

рамках изменений, проходящих в современной социологической науке, сохранить научный статус и национальную специфику? Следует ли придерживаться междисциплинарного подхода в социальных исследованиях? Есть ли польза в совмещении различных теоретических концепций в социологии, и к чему может привести это совмещение? Все эти вопросы довольно спорны и открыты для дискуссии и по сей день.

Литература:

Larner, W. 'Canadian' 'Sociology'? // Canadian Journal of Sociology Online July - August 2002 . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cjsonline.ca/pdf/larner.pdf/>

Бурлуцкая М.Г.,
г. Екатеринбург

КОНЦЕПЦИЯ «ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА» И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ

Глобальные изменения, происходящие в обществе, фиксируются социальными науками начиная с 1970-х годов. Масштаб изменений столь велик, что речь идет не просто о трансформациях отдельных социальных структур или институтов, но о системном переходе общества к новой стадии развития. Описанию этого перехода, характеристике самых существенных тенденций и прогнозированию последствий для разных социальных институтов посвящен целый пласт работ в социальных науках, прежде всего, в социологии и экономике.

В частности, дискуссии вызывает номинация нового этапа развития общества. Предлагаются разные варианты: постиндустриальное общество, информационное общество, общество риска, потребительское общество и

т.д. [1, 2, 3, 4, 5]. Это не просто спор о названиях, суть дискуссии гораздо глубже: речь идет о самых существенных, ключевых изменениях.

Один из вариантов определения постсовременного общества – представление о нем как об обществе **индивидуализированном**. Индивидуализация как одна из ключевых особенностей постсовременного общества рассматривается в концепциях Ульриха Бека [4] и Зигмунда Баумана [5].

Смысл индивидуализации в том, что люди становятся, с одной стороны, более свободны в построении собственных биографий. Как отмечает У.Бек, «... люди освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями» [4; 105]. С другой же стороны, институциональная определенность биографии снижается и люди **вынуждены** проявлять самостоятельную активность и на рынке труда, и при построении карьеры и при других социальных ситуациях, которые в индустриальном обществе были более формализованы, заданы, предопределены. То есть речь идет о неопределенности, гибкости и изменчивости статуса индивида.

Процесс индивидуализации по сути дела отражает мощнейший сдвиг в системах социального неравенства общества. На наш взгляд, можно выделить следующие самые существенные изменения социальных структур:

1. Ключевым измерением неравенства в индустриальном обществе (для большинства населения) было положение в профессионально-должностной структуре. Сегодня это положение постепенно меняется, чему способствует флексибельность (гибкость) рынка труда. Как отмечает З.Бауман, - «Лозунгом дня стала «гибкость», что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий» [5; 30].

В результате почти каждый человек в течение своей жизни сталкивается с временной безработицей, снижением статуса, сменой места работы происходят чаще.

2. Индустриализация, НТР, развитие новых секторов производства и услуг, рост индивидуального потребления – все эти процессы на протяжении всего XX века постоянно предоставляли новые структурные возможности для социальной мобильности. В результате несколько поколений продолжалась устойчивая тенденция: дети по уровню потребления, по уровню доходов и доступности благ практически всегда жили лучше родителей. И такая ситуация стала привычной, именно на ней базируется, по сути дела, достигательская культура. В настоящее время происходит стабилизация мобильности, снижение ее интенсивности. Эти процессы фиксируются начиная с 1990-х годов XX века [6]. Речь не идет о прекращении мобильности, а лишь о существенном снижении ее структурной составляющей.

3. Происходит усиление неравенства, прежде всего, за счет поляризации среднего класса: верхние слои (топ-менеджеры и профессионалы, обладающие уникальными компетенциями) приближаются по своему положению к высшему классу, а массовый средний класс, напротив, переживает снижение статуса. Кастельс [3] называет категорию новых элитных слоев информациональными работниками, чей статус опирается на информационный ресурс – ресурс уникальных знаний и компетенций.

4. Результат этих процессов - усложнение социальных структур за счет распространения альтернативных форм занятости, к которым можно отнести самозанятость, «короткие» трудовые договоры. Кроме того, неопределенность занятости и уменьшение шансов мобильности приводят к девальвации достигательских ценностей. Отсюда и новые процессы мобильности, которые социология фиксирует в течение последнего десятилетия - дауншифтинг, «сознательная» безработица, жизнь на пособие.

Эти процессы изменения социальных структур пока фиксируются в основном на уровне эмпирических исследований. Методологические же проблемы далеки от окончательного решения. Главный вопрос в том, насколько возможен анализ социальной стратификации и мобильности в индивидуализированном и быстро меняющемся обществе. Классический подход предполагает выбор одного или нескольких ключевых критериев неравенства (обычно это доход, собственность и профессионально-должностной статус) и разработку шкалы неравенства (в исследованиях социальной мобильности именуемой шкалой мобильности). Затем именно по этой шкале измеряются показатели, характеризующие социальный статус индивида в статике (стратификация) или в динамике (мобильность). Такой подход предполагает принятие нескольких базовых методологических принципов:

А. Существуют относительно стабильные, медленно меняющиеся во времени социальные структуры и это позволяет нам фиксировать положение индивида в структуре и изменение этого положения – мобильность.

Б. В обществе существуют разделяемые большинством представления о социальном успехе и это позволяет в шкале неравенства определить измеряемые положения «выше» и «ниже», а также оценивать направление мобильности (восходящая или нисходящая).

В. Статус индивида согласован по разным параметрам, т.е. высокому положению по одному критерию соответствует высокое положение по другим (высокая должность = высокий доход).

Перечисленные принципы все в меньшей и меньшей степени соответствуют реалиям современного общества с его индивидуализацией биографий, множественностью критериев успеха и подвижностью, переменчивостью структур. Исследователи социальной стратификации это понимают и пытаются найти методы измерения социального неравенства, адекватные современной ситуации. Огромную работу провела Н.Е. Тихонова [7], которая проверила эффективность основных моделей социальной

стратификации для анализа структуры российского общества и выяснила, что самый адекватный подход основан на измерении индивидуальных ресурсов. Вывод, который она делает вполне в русле концепции «индивидуализированного» общества: происходит «превращение многих характеристик индивида, не выступавших еще 50-70 лет назад в массовом масштабе как значимые виды ресурсов, в активы, прямо влияющие на экономическое положение, статус, сознание, поведение, жизненные шансы индивидов и угрожающие им риски» [7; 218].

Что касается исследований социальной мобильности, которые тесно связаны с проблематикой социальной стратификации, то создается впечатление, что исследователи просто не замечают происходящих изменений социальной структуры. Исследования продолжают фиксировать перемещения в «застывших» стратификационных системах, которые все более становятся абстракциями.

На наш взгляд, возможности новой теории мобильности связаны именно с фокусом на индивидуализацию траекторий мобильности и дифференциацию шансов мобильности в связи с разными возможностями использования ресурсов, прежде всего, информационных. При этом исследование социальной мобильности должно учитывать собственные представления индивидов о социальном успехе и мотивацию достижений.

Иными словами, мы предполагаем, что в современном обществе существует несколько разных «систем координат», в которых индивиды могут реализовывать собственные биографические планы. И исследование мобильности должно включать два основных уровня: определение системы неравенства, значимой для индивида, и лишь затем анализ динамики статуса, понимаемой как изменение объема обладаемых ресурсов, выявление типических траекторий мобильности.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004. — 784 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
4. Бек Ульрих. Общество риска: на пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000 — 384 с.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. — Москва: Логос, 2002. — 390 с.
6. Голдторп Дж., Джексон М. Межполенческая классовая мобильность в современной великобритании: политические аспекты и результаты исследований // SPERO. — 2009. - №10. — С. 181-200.
7. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. — М.: Институт социологии РАН, 2007.

Ванина К.И.,
г. Санкт-Петербург

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК — РЕАЛЬНОСТЬ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА?

Критическое переосмысление трансформации современной цивилизации в работах Э. Тоффлера, П. Друкера, В.Л. Иноземцева, и др. привело к выводу учёных о том, что в постиндустриальном обществе в сфере высоких информационных технологий принципы эконоцентризма перестают быть эффективными. Многие привычные условия функционирования капитала в соответствии с законами рыночных отношений становятся ненужными. Так, производство настолько усложняется, что требует не конкуренции, а планирования вплоть до